

Х Р О Н О Т О П

ОЛЕГ ЛАСУНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВГУ: ИМЕНА, ДАТЫ, АДРЕСА

Явленная в данном материале тема достаточно широка и вполне самостоятельна. Думается, рано или поздно она найдет свое достойное воплощение в виде специального, серьезного исследования, где будут систематизированы все ее проявления. А сейчас предлагаются лишь предварительные заметки, основанные преимущественно на личных впечатлениях и собственном опыте автора.

С момента своего основания ВГУ, точно магнит, притягивал к себе людей, наделенных даром литературного сочинительства. Это и понятно: в университете преподавали авторитетные ученые-филологи, а главное, в студенческой среде кипела разнообразная творческая жизнь. Правила приема отличались в ту пору исключительной простотой, и молодежь, тянувшаяся к знаниям, охотно подавала соответствующие прошения в университетскую канцелярию. Правда, время было беспокойное, в стране шла Гражданская война, царила хозяйственная разруха. Нередко для абитуриента все заканчивалось подачей прошения. Например, питомец 1-й мужской гимназии В.Х. Зигберман намеревался учиться на юридическом факультете и был туда зачислен (1918). Однако вскоре молодой человек по домашним обстоятельствам перебрался в Москву, где впоследствии и развернулась его бурная деятельность на словесной ниве. Советским читателям наш земляк (он выбрал для себя псевдоним «Виктор Ардов») был хорошо известен как один из наиболее ярких представителей юмористического жанра.

Недолговечным оказалось студенчество и для другого юноши — А.П. Климентова, позднее знаменитого писателя Андрея Платонова. Сначала он ходатайствовал о своем зачислении на физико-математический факультет (по химическому отделению), затем — на историко-филологический факультет (по историческому

отделению, где открылась вакансия). Андрей разрывался между гуманитарной и естественно-научной сферами знания. А.П. Климентова одинаково влекли к себе как занятия в области идей и художественных образов, так и обыденная, «потная» (по его выражению) работа, связанная с реальными ощущениями. Борьба пристрастий завершилась тем, что после первого университетского курса А.П. Климентов перешел в только что открывшийся железнодорожный политехникум (по электротехническому отделению).

Для университета губисполком отвел комплекс строений, принадлежавших ранее Михайловскому кадетскому корпусу. Основное, казарменного типа здание стояло на Петровской улице (ныне — ул. К. Феоктистова); центральным фасадом оно глядело на прежний кадетский плац, ставший после 1917 г. площадью III Интернационала: там проходили революционные манифестации.

В 1930-е гг. главное здание ВГУ, где находилась богатая учебная и научная библиотека, а бывшая домовая церковь была приспособлена под читальный зал, часто посещалось литераторами, в частности, поэтом О.Э. Мандельштамом. Он имел разрешение пользоваться библиотечным абонементом и отнюдь не пренебрегал этим правом. Осип Эмильевич считал, что в книжном собрании ВГУ встречаются печатные раритеты, какие не всегда увидишь даже в столичных хранилищах... На обширной университетской территории располагались различные вспомогательные строения, а также профессорские жилые дома; в одном из них были оборудованы номера гостиничного типа. Летом 1935 г. О.Э. Мандельштам вместе с другим ссыльным литератором, С.Б. Рудаковым, навестил там прибывшего из Москвы доцента-антрополога Я.Я. Рогинского...

Гитлеровские захватчики перед тем, как оставить оккупированный ими Воронеж, взорвали главное здание ВГУ. Андрей Платонов в своем

Владимир Гусев и Лев Кройчик. Студенты на целине, 1956 г.

Памятная доска А.И. Немировскому

рассказе-очерке «Житель родного города» (1946) с горечью говорит об этом варварском акте. Он именует ВГУ «любимым домом юных поколений людей, почувствовавших своим жизненным призванием науку». Кстати, в тексте произведения упоминается профессор Я.Ф. Озе, на лекциях которого, по всей видимости, бывал первокурсник А.П. Климентов: Яков Фридрихович являлся первым деканом историко-филологического факультета и заведовал кафедрой философии. Его фигура неслучайно всплыла в памяти писателя: Андрея и самого издавна тянуло к глубокомыслию, учеба в университете, при всей ее краткосрочности, только укрепила этот интерес к сущностным тайнам бытия...

На месте бывшей площади III Интернационала в положенный срок высадили деревья и разбили аллеи — теперь это детский парк «Орленок». С осени 2011 г. одну из его угловых территорий отвели под Мандельштамовский сквер: 2 сентября 2008 г. там был открыт памятник опальному поэту работы столичного скульптора Л.Т. Гадаева. На торжества по этому случаю из Москвы прибыла большая делегация творческих деятелей. Жаль, что не дожил до этого дня человек, который впервые в Воронеже заговорил вслух о жерте сталинского ГУЛАГа!

Профессор ВГУ Александр Иосифович Немировский был не только крупнейшим исследователем-античником, создателем целой библиотеки трудов по этрускологии, истории и культуре раннего Рима, но и талантливым сочинителем. На его счету — стихотворные сборники, повести для детей и юношества, историко-популярные книги.

Перед Великой Отечественной войной А.И. Немировский учился в московском Литературном институте. Уже тогда его взволновала трагическая судьба О.Э. Мандельштама. Оказавшись в Воронеже (1957), он подружился с преподавательницей из авиатехникума Наталией Евгеньевной Штемпель — она в свое время окончила литературно-лингвистическое отделение педа-

гогического факультета ВГУ. От нее Александр Иосифович узнал многие подробности о пребывании в нашем городе автора «Воронежских тетрадей». Начатую А.И. Немировским кампанию по общественной реабилитации на местном уровне имени О.Э. Мандельштама продолжили его последователи из ВГУ. Их усилиями была подготовлена первая в СССР книга о Мандельштаме (Воронеж, 1990), а в день 100-летия со дня рождения поэта на доме № 13 по ул. Фр. Энгельса установлена мемориальная доска (январь 1991 г.). И есть какой-то символический смысл в том, что спустя почти двадцать лет на противоположном здании (ул. Фр. Энгельса, 14) тоже появилась подобная доска, но уже в память об А.И. Немировском. Вообще мемориальные знаки в честь ВГУшных профессоров, разбросанные по всему городу, давно притягивают к себе взоры любопытствующих пешеходов.

* * *

В 1939 г. Константин Михайлович Гусев получил диплом об окончании географического факультета ВГУ. В сущности, выпускник так и не воспользовался им в жизни: пересилила страсть к поэзии и вообще к искусству выразительного слова. Студенческую практику Костя проходил в дальних экспедициях по стране. Среднеазиатские впечатления легли в основу его так называемых «кочевых» стихов — они были опубликованы еще до войны в альманахе «Литературный Воронеж». На фронт Гусева не взяли из-за плохого зрения. Его оружием стало перо публициста. С 1941 г. он трудился на журналистском поприще в Архангельске, с 1944 г. редактировал книги в Воронежском областном издательстве. Спустя пять лет перешел на работу в редакцию газеты «Коммуна», а в 1951 г. его забрали в Москву, в аппарат центрального партийного органа — «Правда».

Рифмованные строки рождались у Константина Михайловича всегда и по любому поводу. Многие шуточные тексты, в том числе и те, что адресовались землякам-черноземцам, расходи-

лись по рукам. На малой родине вышли два прижизненных сборника — «Стихи» (1946) и «Город дружбы» (1961): там, между прочим, встречается немало произведений, посвященных древней и, в большей мере, новейшей истории Воронежа, возрожденного из руин и пепла пожарищ. Образ милого сердцу города никогда не покидал поэта.

Любовь к отчому краю вполне уживалась в К.М. Гусеве с интернационалистским мышлением. Он был одним из пионеров эсперанто-движения (советский режим после войны относился к этому явлению с подозрительностью), выступал на зарубежных конгрессах эсперантистов, перевел на международный язык различные сочинения Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина, Пастернака и др. Как переводчик К.М. Гусев интересен и тем, что одним из первых в СССР перевел на русский язык творения расстрелянного фашистами испанца Ф. Гарсиа Лорки.

В 1984 г. в Юго-Западном микрорайоне Воронежа, в средней школе № 17 (теперь — гимназия имени И.А. Бунина) открылся литературно-краеведческий музей К.М. Гусева. Самое живейшее участие в его работе принимала вдова поэта — Людмила Ивановна Гусева, его университетская сокурсница. На музейских «посиделках» она всегда поражала нас своим знанием отечественной поэзии и декламацией по памяти мужниных стихов. Осенью 1997 г. останки скончавшихся в Москве супругов были перезахоронены на воронежском Коминтерновском кладбище.

В гусевском музее регулярно появлялись местные писатели, и среди них — отец и сын Пресманы, Григорий и Аркадий, питомцы филологического факультета ВГУ. Аркадий Григорьевич и по сей час — частый гость в гимназии. Встречаясь с ребятами, он не забывает прочесть им свое стихотворение, в котором воспеваются духовная атмосфера, царившая на ежегодных ВГУшских поэтических состязаниях. Старший Пресман хорошо знал К.М. Гусева, а младший написал о нем большой очерк «Я тоже среди вас...», помещенный впервые на страницах «Коммуны» (2002)...

Заодно вспомню и о другом выпускнике географического факультета (1961) — он тоже предпочел полученной профессии деятельность, связанную с искусством слова. Виктор Федорович Панкратов редактировал одну из городских многотиражек, работал в редакции журнала «Подъ-

Григорий Пресман

Аркадий Пресман

ем», в областной писательской организации, на телевидении, руководил литературными объединениями, консультировал начинающих авторов. Он имел моральное право учить неофитов, ибо сам достиг высокого уровня стихотворческой технологии. Виктор любил сочинять, принимая горячую ванну: всерьез утверждал, что в таком состоянии рифмы и метафоры приходят сами собой. Писалось ему действительно легко, а в последние годы — и мастеровито. Зрелая панкратовская лирика привлекала искушенных читателей игрой образов, красок, настроений.

В. Панкратов, в отличие от иных товарищей по литературному цеху, мало заботился о том, чтобы «пробивать» в прессе свои произведения.

Его вполне устраивала их читка в дружеской компании. Обитал он бобылем в удобном месте, на ул. Дзержинского (д. 16), и сюда нередко заходили его поклонники, дабы услышать стихи в превосходном авторском исполнении. Виктор не порывал отношений с alma-mater, неизменно выступал на Днях поэзии, был завсегдатаем заседаний в кружке «Воронежский библио-

офил», существовавшем с начала 1970-х гг. при Научной библиотеке ВГУ (пр. Революции, 24).

О близких мне книжнических увлечениях В.Ф. Панкратова стоит сказать особо. Он составил недурную домашнюю библиотеку (в ней водились и ценные издания), обладал обширной коллекцией художественных экслибрисов и никогда не отказывал себе в удовольствии поговорить о волшебной власти тиснутого в типографии текста. Он и сам «окучивал» сию специфическую тему. Многие его опыты в подобном роде являются украшением современной отечественной поэзии. Маленькие поэмки, созданные по следам поездок на библиофильские встречи (они проходили в различных российских регионах) и отпечатанные ничтожно малыми тиражами, бережно хранятся владельцами. Воедино эти поэтические репортажи собраны в книге В.Ф. Панкратова «Полустанки для одержимых» (Воронеж, 2000). О коллекционерских наклонностях Виктора, проявлявшихся как в быту, так и в творчестве, поведали авторы книги «Певец библиофильской страсти» (Воронеж, 2009). А благодарная В.Ф. Панкратову университетская библиотека еще при его жизни подготовила и выпустила посвященное ему биобиблиографическое пособие (2001).

* * *

После Великой Отечественной войны историко-филологический факультет ВГУ размещался в большом угловом здании по ул. Фр. Энгельса (д. 4). В правой его половине, если стоять лицом к парадному входу, находилось мужское общежитие для студентов и преподавателей, а в левой — учебные аудитории. Они были по размерам невелики, и на общефакультетские лекции по истории КПСС приходилось ходить в актовзальный зал главного, «красного» корпуса ВГУ, что напротив городского главпочтамта. Именно там был оглашен повергший нас в шок текст хрущевского доклада на XX съезде партии о культе личности Сталина (1956). Еще бы: накануне мы, студенты-филологи, конспектировали и на практических занятиях разбирали буквально по абзацам гениальный труд Иосифа Виссарионовича «Марксизм и вопросы языкознания» (хилая брошюрка заполонила в городе полки всех книжных магазинов), а теперь его автор разоблачался как тиран и псевдоученый! Это был страшный удар по неокрепшей психике российского юношества. Сколько таких драм предстояло еще перенести моему поколению!

В корпусе по ул. Фр. Энгельса, на нижнем этаже, имелась длинная, с тремя входными дверями, лекционная 11-я аудитория. Там в основном мы и проводили учебное время до той поры, как факультет не перебрался в здание на ул. Пушкинской. Хорошо помню, как в 11-ю аудиторию впервые вкатился шарообразный Петр Григорьевич Богатырев, добродушнейшее на свете существо. Он читал курс по истории древнерусской литературы и, полагаю, делал это вполне основательно. Но до нашей «камчатки» его голос почти не доносился, а из-за кафедры виднелась только лысая макушка профессора. Человек он был чрезвычайно рассеянный, как бы не от мира сего: задумавшись, мог зайти в другую аудиторию, и мы подолгу ждали, когда он нас найдет. Студенты слегка посмеивались над причудами Петра Григорьевича, не подозревая, что им выпала редкая удача — общаться с ученым, который был хорошо известен в кругах европейских славистов.

Кажется, на третьем курсе Петр Григорьевич вел в нашей группе семинар по чешскому языку. Мы уже были наслышаны о его литературных успехах. Едва ли не на каждом занятии мы задавали ему провокационный вопрос: как он работал над переводом знаменитого романа Ярослава Гашека о похождениях бравого солдата Швейка

во время Первой мировой войны? Петр Григорьевич «заводился» с пол-оборота: свой рассказ он обычно оснащал новыми подробностями, особенно эмоционально цитировал в оригинале реплики Швейка; довольная улыбка не сходила с его лица.

Но лишь позднее, уже после окончания ВГУ, мы смогли в полной мере оценить масштаб личности и значение научного наследия нашего экзонаставника. Спустя много лет в мои руки попали довоенные письма П.Г. Богатырева к хорватскому исследователю Йосипу Бадаличу. Петр Григорьевич находился тогда в творческой командировке в Чехословакии и по поручению московских архивистов разыскивал на территории славянских земель различные документальные материалы, относящиеся к нашей национальной истории. Когда на филфаке проводилась конференция в честь 100-летия со дня рождения П.Г. Богатырева (1993), я доложил коллегам о его переписке с Й. Бадаличем. Сейчас эти богатыревские эпistolы входят в состав моего фонда, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

П.Г.Богатырев

С Петром Григорьевичем подружилась приехавшая по распределению из Москвы молоденькая преподавательница зарубежной литературы Алла Борисовна Ботникова. Ей тоже выделили комнату в общежитии, и они часто заходили друг к другу в гости. Богатырев по-отечески относился к Аллочке, помогал ей приноровиться к условиям провинциальной жизни. Однажды зазвал к себе на чай и, смущаясь, вручил появившееся недавно вторым изданием пособие для вузов — «Русское народное поэтическое творчество» (Москва, 1956); оно вышло под его редакцией. Петр Григорьевич снабдил экземпляр теплым автографом... Другой презент он сделал через год с лишним. На сей раз это был только что выпущенный в библиотеке журнала «Огонек» двухтомник избранных сочинений Ярослава Гашека (1958); первый том был отдан роману про Швейка. Алла Борисовна в те дни готовилась к защите своей кандидатской диссертации, и Петр Григорьевич в дарственной надписи от лица бравого солдата австро-венгерской армии уже проголосовал «за». Все эти памятные экземпляры с инскриптами пребывают ныне на полках Отдела редких книг Научной библиотеки ВГУ.

Алла Борисовна стала воистину украшением (в прямом и переносном смысле) филологического факультета. Необыкновенно женственная, стройная, элегантно одевавшаяся, с изящными

манерами, она была весьма эффектна, а ее мелодичный голос просто завораживал слушателей. Мы глядели ей в рот, боясь пропустить какую-нибудь важную фразу. Ребята старались на зачетах и экзаменах понравиться Алле Борисовне, но на это можно было рассчитывать только в том случае, если выказывались серьезные познания. Девчонки обожали «зарубежницу» за ее столичный шик.

С годами германистка А.Б. Ботникова обратила на себя внимание и в ученном мире. Монографии об Э.Т.А. Гофмане и его влиянии на русскую словесность (1977), о немецком литературном романтизме в целом (2004, 2005) окончательно утвердили научный авторитет А.Б. Ботниковой. Она участвовала в составлении и комментировании шеститомного собрания сочинений Э.Т.А. Гофмана, выходящего в престижном центральном издательстве в течение 1991-2000 гг. Помимо педагогической и исследовательской деятельности Алла Борисовна успешно занималась текущей литературной и театральной критикой. Ее аналитические рецензии на постановки, шедшие и идущие сегодня на воронежской сцене, неизменно помогали и помогают разобраться в своих ощущениях не только зрителям, но и самим режиссерам и актерам. Сейчас А.Б. Ботникова готовит к изданию сборник своих статей о театре и драматургии. Думаю, он вызовет не меньший читательский спрос, чем ее же мемуары «В те времена...» (2008), где широко представлены картины многоликой университетской действительности.

Пользуясь нынешним лексиконом, можно сказать так: Алла Борисовна Ботникова по-прежнему востребована на рынке эстетических услуг. Ее мнением по различным, в том числе и непосредственно литературным, вопросам интересуются и дорожат издатели, журналисты, педагоги-филологи, вообще любители словесности. Давно ставшая живой легендой воронежской культуры, А.Б. Ботникова остается в хорошей творческой форме и продолжает радовать нас своими публикациями...

* * *

На старших курсах мы, студенты пятидесятники, познакомились с новым преподавателем — Анатолием Михайловичем Абрамовым. Его книги о Маяковском лежали тогда на прилавках всех местных магазинов, а сам автор казался нам немножко похожим на своего кумира. По крайней мере, свои гражданственные стихи он декламировал, как нам представлялось, столь же громко и выразительно, как если бы перед нами выступал сам трибун революции... Бывший фронтовик, А.М. Абрамов выбрал для своей докторской диссертации близкую себе тему — о роли художественного слова в эпоху Ве-

ликой Отечественной войны; соответствующая монография вышла в Москве двумя изданиями (1972, 1975).

И все же Анатолий Михайлович был человеком скорее «устным», нежели «письменным». Прославился он (и не только в ВГУшных кругах!) прежде всего как оратор, речетворец, отчаянный говорун. С ним было трудно, а то и просто невозможно вести беседу — она сразу превращалась в его эмоционально насыщенный монолог, в котором прихотливо переплетались различные, иной раз противоположные стилистические пласты. Не забылся один забавный эпизод: летний дождь застал нас под козырьком одного из зданий на проспекте Революции. Посторонние люди стояли, плотно прижавшись друг к другу. Не способный ни на минуту помолчать, Анатолий Михайлович продолжал начатый ранее разговор. Публика сперва просто прислушивалась, потом все лица обернулись в нашу сторону. Вскоре выглянуло солнце, однако народ не расходился: все внимали вдохновенному повествованию Абрамова. Не помню, о чем именно он толковал, помню лишь, как он это делал: тут соперников у него не было... Анатолий Михайлович даже учебные лекции превращал в торжество звучащего слова, в этакий моноспектакль. Наши тетради для конспектов после лекций оставались девственно чистыми: информация воспринималась на сугубо чувственном уровне.

Как профессиональный литературный критик А.М. Абрамов пользовался в писательской среде большой известностью, о чем свидетельствует хотя бы его переписка с А.Т. Твардовским. Однако, обращаясь к фактам общероссийского масштаба, Анатолий Михайлович никогда не упускал из вида местную реальность. К его безусловным заслугам следует отнести активную поддержку многих воронежских авторов, едва вступивших на тернистый сочинительский путь. В частности, эта поддержка в немалой степени определила судьбы двух наших земляков, ставших гордостью русской поэзии XX в. — Анатолия Жигулина и Алексея Прасолова...

Если называть и других студенческих любимцев из числа филфаковских преподавателей, то нельзя не упомянуть Владислава Петровича Скобелева (он был моим многолетним товарищем по факультету, который уже перебрался в два смежных корпуса с общим адресом — площадь Ленина, 10). Все мы сильно огорчились по поводу отъезда В.П. Скобелева в родную Самару (1979); впрочем, он и позднее неоднократно появлялся в Воронеже, а на филфаке до последних дней оставался «персоной грата». Посвященный его памяти сборник (Самара, 2009) озаглавлен поразительно точно — «Человек-праздник». Владислав Петрович действительно воспринимал

Б.Т. Удодов

В.Б. Ремизов. ВГУ, 1980-е гг.

Марк Бент

бытие, при всех его невзгодах, как некое, чуть ли не языческое празднество: он наслаждался каждым мгном жизни. Владислав Петрович буквально захлебывался от переполнявших его идей, замыслов, сюжетов, которыми с открытым сердцем делился с коллегами. Все мы подзаряжались от него духовной энергией.

Сейчас в Воронеже с огромным успехом проходит ежегодный Платоновский фестиваль искусств. В том, что он так означен, нет ничего удивительного: наследие автора «Котлована» и «Чевенгура» уже обрело статус общенационального достояния, а само его имя превратилось в земляческий бренд. Но не будем забывать, что возникновение регионального платоноведения есть заслуга прежде всего В.П. Скобелева, который раньше других осознал уникальность фигуры Андрея Платонова, философа и пророка. Он инициировал одну из первых в стране коллективных попыток разобраться в этом феномене: имею в виду издание сборника статей «Творчество А. Платонова» (Воронеж, 1970).

Владислав Петрович вообще много занимался пропагандой литературных достижений воронежского края. Его перу принадлежат глубокие статьи об А.Т. Прасолове, В.А. Короблинове, Ю.Д. Гончарове, Ю.Т. Воищеве и др.; Г.Н. Троепольскому он посвятил целую книгу, которая разошлась по всей России (Москва, 1969). А сколько душевных сил он отдавал воспитанию молодой поросли! Многие сегодняшние воронежские писатели помнят ненавязчивые скобелевские наставления.

Сын В.П. Скобелева, выученик ВГУшного филфака (1979), считается одним из лучших в отечестве знатоков и исследователей творчества В.С. Высоцкого. Вместе с женой, Г.А. Шпилевой (они сообща заканчивали университет), Андрей содействовал возникновению в нашем городе соответствующего научного центра. Совсем недавно супружескую чету принимали в Новосибирске, где по случаю 75-летия популярного барда состоялся грандиозный фестиваль. Труды

А.В. Скобелева в области высококоведения по достоинству оценены специалистами.

* * *

Я был бы неправ, если б проигнорировал личность своего шефа по кафедре русской литературы, Бориса Тимофеевича Удодова. Он был видным мужчиной на факультете. Впечатлительные филологини заглядывались на него; девичьи сердца трепетали от одного его бархатистого баритона (некоторое время Борис Тимофеевич был даже диктором на областном радио). Шеф выделялся среди нас своей рассудительностью, умением всегда смотреть в корень. Он никогда и никуда не торопился; напротив, часто не укладывался в им же предложенные сроки. Библиографический перечень его публикаций не слишком велик, зато главные работы отличаются капиталностью. Внушительной по объему и оригинальной по содержанию была работа Б.Т. Удодова «М.Ю. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы» (Воронеж, 1973) — на монографию с уважением взирали члены ученого совета ленинградского Пушкинского Дома, где проходила защита докторской диссертации воронежца.

Со временем Б.Т. Удодов завоевал авторитет одного из ведущих лермонтоведов. Неслучайно его привлекли к сотрудничеству в академической «Лермонтовской энциклопедии» (Москва, 1981, 1999). Удодовской книгой о романе «Герой нашего времени» (Москва, 1989) по сию пору пользуются российские школьные учителя. Впрочем, величественная тень обожаемого Лермонтова не заслонила собой для Бориса Тимофеевича писательских имен, так или иначе причастных к воронежской истории. Критико-биографические очерки о Д.В. Веневитинове, К.Ф. Рылееве, Н.В. Станкевиче, А.В. Кольцове, И.С. Никитине и др. значительно пополнили копилку знаний о нашей региональной старине...

Наша кафедра на «дамском» факультете долго оставалась таким мужским островком. Обитали

Виталий Злотников

Олег Ласунский и Виктор Панкратов

Алексей Кондратенко

на нем яркие, самобытные люди – В.А. Малкин, Б.Т. Удодов, А.А. Слинько, В.А. Свительский, А.П. Валагин, В.Б. Ремизов, В.В. Инюгин. Из них лишь один решился испытать судьбу вне Воронежа. Виталий Борисович Ремизов имел право на такой эксперимент: он со студенческой скамьи выделялся среди сверстников своими способностями и целеустремленностью. Позднее он увлекся педагогическими идеями Л.Н. Толстого, которому и посвятил себя без остатка: работал в музее-заповеднике «Ясная Поляна», заведовал в Туле научно-исследовательской лабораторией «Школа Л.Н. Толстого», директорствовал в Московском Государственном музее Л.Н. Толстого (2001-12 гг.). Толстовские общества в Канаде и Японии выбрали бывшего выпускника и преподавателя ВГУ своим почетным членом, а в родном университете на него прилюдно накинули мантию почетного доктора.

Все 90 томов полного собрания сочинений великого старца В.Б. Ремизов проштудировал досконально и, кажется, может цитировать отсюда на память любой кусок текста. В дни, когда у нас на кафедре проходили заседания его толстовского кружка, яблоку упасть было негде, а ведь завлечь студентов на подобное мероприятие – задача не из простых. Виталий Борисович не просто хорошо знает толстовские произведения и не только трактует их как специалист. Возмутитель государственного миропорядка остается для него вовсе не иконой, но нашим современником и товарищем по жизни. Вопреки своей последней должности В.Б. Ремизов старается освободить творца «Воскресения» и «Войны и мира» от накопившегося музейного глянца, а его продуктивные идеи поставить на службу гражданскому обществу.

Отраднo сознавать, что наш филфак делегировал в российскую культуру такого незаурядного деятеля.

* * *

Во второй половине минувшего столетия ВГУ стал рассадником профессиональных ли-

тературных кадров. Сочинительские лавры снискали себе биолог Леонид Семаго, геолог Валерий Мартынов, филолог-испанист Анатолий Кобзев, юристы Александр Нестругин и Михаил Федоров, историки Адольф Беляев, Михаил Сафонов, Владимир Котенко, химики Олег Гуков и Татьяна Собещанская – и это далеко не исчерпывающий список. Но, конечно, в этом параде талантов преобладали представители филологического и журналистского факультетов.

В 1950-х гг. на филфаке существовало литературное объединение, которым руководил доцент-фольклорист Сергей Георгиевич Лазутин. Он был либерален в своих оценках и легко предрекал юным дарованиям блестящее писательское будущее. Не все, увы, оправдали его ожидания. Тем не менее многие из неофитов сделали себе потом имя в литературе. К примеру, из того состава кружковцев в «Воронежскую историко-культурную энциклопедию» (2009) попали: Людмила Бахарева, Владимир Гусев, Дмитрий Демин, Альберт Иванов, Лев Кройчик, Станислав Никулин, Инна Ростовцева, Светлана Филюшкина – не так уж мало для одной эпохи!

На факультете иногда объявлялись именитые особы из состава местной писательской организации, и это всегда были незабываемые встречи. Однажды пришел Николай Алексеевич Задонский: набитую битком аудиторию он полтора часа держал в напряжении. Студентам было любопытно лицезреть живого писателя. А уж поговорить Задонский любил и делал это мастерски! Он был уже не молод, слегка грузен, в его длинных, зачесанных к затылку волосах пробивалась седина. Нам он казался небожителем, снизошедшим до грешных землян. Мы глядели во все глаза и слушали во все уши. Николай Алексеевич красочно живописал о своих архивных поисках документов о декабристах и о работе над романом о герое 1812 года – поэте-партизане Денисе Давыдове... Пройдет немало лет, и уже в корпусе на Пушкинской улице, в поместительной 37-й аудитории вновь появится монументальная фи-

гура Задонского: предстояла защита кандидатской диссертации В. Болдыревым, в которой рассматривался его, Задонского, опыт по созданию цикла художественных хроник. Несмотря на пролетевшие годы, Николай Алексеевич, как и прежде, олицетворял для меня недоступные обывателям литературные выси...

На первых курсах мы могли свой творческий запал реализовать на «страницах» факультетской (тогда это был историко-филологический факультет) стенной газеты, которая именовалась в духе времени – «Сталинское племя». Небольшого формата, в рамке, она висела на лестничной площадке. Вокруг всегда толпились студенты: их мало занимали дежурные передовицы, а вот стихи «своих» поэтов-лириков вызывали искренний интерес... Люда Горбачева воспевала хорошо всем знакомый мост в начале проспекта Революции, Люда Бахарева вспоминала о бомбежках в Сталинграде, Дима Демин восторгался весенними пейзажами, Света Филюшкина повествовала о том, как ждала отцовские письма с фронта, Лева Кройчик упражнялся в шуточном жанре, а Володя Гусев, напротив, предлагал читателям какие-то глубокомысленные строки. Лева с Володей были однокурсниками и неразлучной парой, однако впоследствии их дороги разошлись.

Владимир Гусев, завершив учебу (1959), работал в редакции газеты «Молодой коммунар»: там он чаще всего выступал в роли литературного обозревателя и критика. Одним из первых он по достоинству оценил появление на воронежском поэтическом небосклоне таких звезд, как Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов (быть может, сказало влияние университетского учителя А.М. Абрамова). В.И. Гусев и потом не раз будет обращаться к рассмотрению их произведений. В середине 1960-х гг. В.И. Гусев вернулся в университет и преподавал на кафедре советской литературы. К этому времени журнал «Подъем» уже вовсю публиковал его статьи и рецензии. Однако рамки провинциального жития не устраивали молодого, знающего себе цену автора. Он рвался в Москву и вскоре осуществил свое намерение.

В.И. Гусев достиг нынче многих профессиональных и общественных высот. Он обременен грузом всяческих регалий, должностей, званий, премий, в его «послужном» библиографическом списке – десятки беллетристических, литературоведческих и иного рода книг. Владимир Иванович с 1990 г. возглавляет правление столичной организации Союза писателей России. Годом ранее он стал главным редактором журнала «Московский вестник». Образ родного «черноземного» города, похоже, постепенно подернулся дымкой (если бы только романтической!). Воронежцы продолжают внимательно следить за «линией судьбы» своего земляка.

«Побег» В.И. Гусева в столицу был продиктован не только его здоровыми творческими амбициями. Духовная атмосфера становилась в Воронеже все более затхлою. Любое проявление самостоятельности встречалось в штыки местными партийными боссами, регламентировалась самая элементарная инициатива. Напомню весьма характерный эпизод. В декабре 1971 г. умер А.Т. Твардовский (кстати, он в феврале 1951 г. выступал в актовом зале «красного» корпуса ВГУ на проспекте Революции как кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР; явившись под хмельком, поэт с воодушевлением декламировал свои стихи). На следующий год в память об авторе «Василия Теркина» на филфаке ВГУ было постановлено учредить некую ассоциацию поклонников изящной словесности. Придумали простенькое название – «Общество по изучению русской советской поэзии имени А. Твардовского». На первом заседании выступили «отцы-основатели» – А.М. Абрамов, В.П. Скобелев, В.М. Акаткин, а также писатель Г.Н. Троепольский. Было избрано правление под началом А.М. Абрамова, намечены темы для последующих заседаний. Казалось бы, кому могла помешать эта благородная затея? Способна ли она была хоть как-то потрясти устои правящего режима? Тем не менее, после публикации в газете «Коммуна» краткой информации о создании общества последовали репрессивные меры. В ситуацию вмешался обком КПСС (в лице секретаря по идеологии С.В. Митрошина), Анатолию Михайловичу было сделано внушение: дескать, во-первых, создание подобного общества требует согласования с партийными органами, а, во-вторых, откуда взялась эта подозрительная любовь к человеку, который был склонен к инакомыслию и на посту главного редактора «Нового мира» допустил немало идейных просчетов? Законопослушным филологам не оставалось ничего иного, как тихо похоронить свое детище. Такие вот были нравы!

А то еще случилось происшествие на филфаке, взбудоражившее в свое время весь ВГУ. Группа энергичных ребят-второкурсников под предводительством Марка Бента (поступил на истфилфак в 1955 г.) предприняли выпуск самодельного рукописного альманаха «Открытый взгляд». Там были представлены стихи, проза, документалистика, в частности, иллюстрированный фотографией очерк об архитектурных достопримечательностях старого Воронежа – никакой крамолы, никакой антисоветчины! Просто литературно одаренные студенты попытались таким образом испытать свои силы. С цветной обложки на читателя глядели широко распахнутые глаза – именно так и надлежит смотреть молодым людям на окружающий мир! Боже, какая поднялась шумиха: кто позволил, куда смотрела

комсомольская организация, почему бездействовали преподаватели-кураторы? Содержание альманаха и сам «проступок» обсуждались на совещаниях всякого уровня, вплоть до университетского парткома. Несчастных «издателей» затаскали по служебным кабинетам, а главного зачинщика исключили из ВГУ по причине его политической неблагонадежности. Позднее М.И. Бент благополучно закончил университет в Ростове-на-Дону, защитил докторскую диссертацию, заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы в Челябинском госуниверситете... В 2001 г. Марк Иосифович приезжал в Воронеж для участия в научной конференции, посвященной 60-летию филфака ВГУ: он не держал зла на своих прежних гонителей.

Дополнительными подробностями об истории с «Открытым взглядом» поделился в письме ко мне (оно еще ждет обнародования) бывший сокурсник М. Бента, москвич Альберт Анатольевич Иванов. Он и сам заслуживает нашего внимания. После окончания ВГУ (1960) Альберт получил еще диплом выпускника ВГИКа. По его сценариям было поставлено несколько игровых и множество анимационных фильмов. В мультяшках обыкновенно действовали два приятеля — толстый хомяк по прозвищу Хома и долговязый Суслик: с ними вечно происходили какие-то забавные приключения. Автор настолько вжился в образы своих персонажей, что уже не мог без них существовать. Сказки А.А. Иванова про Хома и Суслика, красочно оформленные художниками-мультипликаторами, выходят огромными, по сегодняшним понятиям, тиражами. На счету автора — более ста книг (с переизданиями) на различных языках. В нескольких сборниках из престижной издательской серии «500 золотых страниц о животных» (Москва) произведения экс-выпускника ВГУ помещены наряду с сочинениями самых популярных писателей XIX — XX веков. В российских театрах поставлены спектакли по ивановским сказкам. Мы с Альбертом (он по крещению мой тезка — Олег) часто беседуем по телефону, и тема нашей студенческой литературной юности возникает всякий раз сама собой...

Со студией «Союзмультфильм» активно сотрудничал другой сценарист, тоже ВГУшный воспитанник — Виталий Маркович Злотников (он учился на факультете романо-германской филологии). Мне не довелось знать его лично, но я собрал на него богатое досье. Там накопились любопытные материалы — от его первой книги рассказов для детей «Я и Джек» (Воронеж, 1968) с дарственной надписью В.Ф. Панкратову до различных документов, полученных от вдовы писателя Л.Г. Злотниковой, проживающей в Подмосковье. Картинки с изображением полюбившейся воронежцам скульптурной компо-

зиции «Котенок с улицы Лизюкова» можно увидеть на вырезках из газет, календариках и даже на обертке ванильного пломбира, произведенного на Липецком хладокомбинате. Имя писателя Виталия Злотникова у обитателей нашего города ассоциируется с этим оригинальным памятником, установленным у здания бывшего кинотеатра «Мир» в Северном микрорайоне.

Виталий окончил отделение испанского и французского языков (1965), позднее — английское отделение Высших курсов иностранных языков. Впрочем, воспользоваться в иноязычной сфере своими знаниями так и не удалось: заграница оказалась для него недоступной. Зато посчастливилось увидеть экзотические уголки в собственном отечестве — в качестве специального корреспондента ряда центральных журналов («Смена», «Вокруг света», «Юность», «Студенческий меридиан», «Гражданская авиация» и др.). В «северных» рассказах В. Злотникова, рисующих мужественных людей в экстремальной обстановке, чувствуется какая-то «джеклондонская» нотка.

Наряду с документалистикой и «взрослой» прозой В. Злотников увлекся литературой, предназначенной для детей, а с нее совсем легко было переключиться на «мультяшные» киносценарии. С 1970-х гг. на придуманные им сюжеты создавались фильмы, получившие признание зрителей, и среди них — «Котенок с улицы Лизюкова». В злотниковской беллетристике Воронеж как место действия фигурирует нередко. Но в «Котенке...» земляческие симпатии сценариста проступают на каждом шагу. Этот фильм прославил наш город на всю страну: котенок по имени Василий распевает песенку (музыка композитора В. Мигули) на слова Виталия Злотникова: «Прекрасней, чем Воронеж, нет города нигде!» В уста внезапно очутившегося в Африке и превратившегося в бегемота Василия писатель вкладывал собственные чувства. А ведь и вправду: мог ли быть для Виталия какой-нибудь другой город прекраснее того, где прошла его золотая студенческая пора?! С 1970 г. Злотниковы обосновались в подмосковном Дмитрове и переписывались со своими воронежскими родственниками, обживавшими только что возникшую улицу Лизюкова. Многообразное творческое наследие В.М. Злотникова (он пробовал себя также в поэзии и драматургии, а московский журнал «Миша» печатал его комиксы) еще ждет своего исследователя.

* * *

Своими литературными питомцами вправе гордиться факультет журналистики и предшествовавшее ему журналистское отделение филфака. Ясно, что сюда всегда тянулись абитуриенты, склонные к индивидуальной работе со словом, и что здесь имела благодатная пита-

Художник В.П. Криворучко
в школьном музее
Константина Гусева
с вдовой поэта

тельная почва для развития творческих ростков. Перечислю некоторых известных мне выпускников, которые обретаются ныне в Воронеже и по соседству и которым вручены членские билеты Союза писателей России: В.И. Амиргулова (Орел), В.С. Аршанский (г. Мичуринск Тамбовской области), А.В. Бондарев, А.М. Гириянко (Белгород), А.И. Кондратенко (Орел), А.Н. Кряженков (г. Алексеевка Белгородской области), В.И. Куликов (г. Острогжск Воронежской области), А.А. Лисняк, С.А. Ляшова (с. Старая Калитва Россошанского района Воронежской области), В.Е. Молчанов (Белгород), Ю.А. Оноприенко (Орел), С.П. Пылев, А.И. Тамбовская (Липецк); этот перечень следует, пожалуй, дополнить уже ушедшими из жизни воронежцами Н.П. Белянским и В.Н. Костенко. Не исключено, что какие-то имена мной пропущены.

Об Алексее Ивановиче Кондратенко хочется сказать отдельно. Он рано определился с родом своей будущей трудовой деятельности. Еще школьником-старшеклассником посылал заметки в воронежский «Молодой коммунар». С первого курса ВГУ помешал корреспонденции в многотиражных и районных газетах: жаждал гласно откликнуться на любое важное, по его мнению, событие, очевидцем которого он был. Производственную практику Алексей проходил в редакции «Орловской правды», где ему и предложили остаться. Рутинное репортерство не устраивало молодого энергичного журналиста. Надо было выбирать для себя магистральный путь. Все чаще стали появляться кондратенковские рецензии на книги, материалы по местной истории и культуре, статьи о достопримечательных орловчанах (Тургенев, Лесков, Фет, Писарев, Грановский, Бунин и др.), об истоках региональной прессы. Сборник историко-краеведческих этюдов «Время странствий: эпо-

хи и судьбы» вышел в орловском издательстве «Вешние воды» (1997).

В новом веке А.И. Кондратенко заявил о себе как состоявшийся прозаик-документалист, автор серьезных книг: «Жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина» (2002), «Очерки истории периодической печати Орловской губернии (1816-1928)» (2002), «Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» (2005), «Два века как один день. Страницы истории орловской журналистики XIX-XX вв.» (2008)... В 1999 г. А.И. Кондратенко был принят в ряды Союза писателей России. Нынче без его участия не обходится ни один крупный литературно-общественный проект на Орловщине. О своих воронежских корнях Алексей не забывает: регулярно навещает родной город, публикуется в нашей прессе, с большим желанием выступает на разнообразных публичных мероприятиях, проводимых в стенах ВГУ. Творческая биография А.И. Кондратенко типична для самых даровитых питомцев журфака, которые, преодолев традиционные ограничения своей профессии, сумели выйти на новые созидательные рубежи, освоить более высокий уровень работы со словом, «побрататься» с литературой...

За 95 лет своего существования Воронежский государственный университет подарил России немало ярких тружеников пера, неутомимых пахарей на ниве духовности. Было бы справедливо, если бы со временем появился полноценный биобиблиографический словарь сотрудников и выпускников ВГУ, внесших определенный вклад в развитие отечественной словесности. А пока более или менее подробные сведения обо всех поименованных здесь лицах можно найти на страницах уже упоминавшейся «Воронежской историко-культурной энциклопедии».